

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 355.11

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-3-651-660

Оригинальное исследование

Категории преступлений, совершаемых военнослужащими русской армии в 1731–1736 гг.

Подберезный Е.А.¹ , Фурсов В.Н.²

¹ Подгоренская средняя общеобразовательная школа им. П.П. Серякова,
Россия, 397612, Калачеевский район, с. Подгорное, ул. Школьная, 12;

² Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86

E-mail: evgenypodbereznii@yandex.ru, fursow1949@mail.ru

Аннотация. Военное правосудие всегда являлось важнейшим элементом военной системы и выступало в качестве основы дисциплины войск. Несмотря на это, вопрос практики военного судопроизводства XVIII века недостаточно исследован, что особенно заметно при рассмотрении положения нижних чинов и отношения к ним военной системы. Представленная работа ставит своей задачей выявить основные виды преступлений и практику наказаний в военной среде. На основе анализа архивных материалов делается вывод о расхождении между требованиями военного законодательства и реальной практикой решения дел нижних чинов армии. Авторами выделены основные виды правонарушений и факторы, влияющие на приговоры в отношении военнослужащих. Установлено, что отношение военного руководства к нарушителям отличалось гуманностью и прагматичностью, которые считались не характерными для армии России XVIII века. Актуальность рассмотренных вопросов делает результаты исследования востребованными не только для объективной характеристики армии эпохи «дворцовых переворотов», но и для улучшения современной военной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: «дворцовые перевороты», военное правосудие, нижние чины, преступность, категории преступлений

Для цитирования: Подберезный Е.А., Фурсов В.Н. 2024. Категории преступлений, совершаемых военнослужащими русской армии в 1731–1736 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 51(3): 651–660. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-651-660

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Categories of Crimes Committed by the Russian Army Servicemen in 1731–1736

Evgeniy A. Podbereznii ¹ , Vladimir N. Fursov ²

¹ P.P. Seryakov Podgorenskaya Secondary School,
12 Shkolnaya St., Kalacheevsky district, Podgornoye 397612, Russia;

² Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenina St., Voronezh 394043, Russia

E-mail: evgenypodbereznii@yandex.ru, fursow1949@mail.ru

Abstract. Military justice has always been the most important element of the military system and served as the basis for troop discipline. This also applies to the Russian army of the 18th century. Despite this,

the practice of military justice in the 18th century has not been studied sufficiently. The presented work aims to identify the main types of crimes committed by military personnel of the Russian army, as well as to consider the practice of punishment. Based on the analysis of archival materials, a conclusion was made about the discrepancy between the requirements of military legislation and the practice of resolving cases of soldiers and non-commissioned officers. The authors highlight the most typical types of offenses and key factors that influenced the verdict in relation to military personnel. The attitude of the military leadership to violators of military legislation was distinguished by humanity and pragmatism, which for a long time were considered uncharacteristic of the Russian army of the 18th century. The relevance of the issues considered makes the results of the study important not only for an objective characterization of the army of the “palace coups” era, but also for improving the modern military system of the Russian Federation.

Keywords: “palace coups”, military justice, lower ranks, crime, categories of crimes

For citation: Podberezny E.A., Fursov V.N. 2024. Categories of Crimes Committed by the Russian Army Servicemen in 1731–1736. *Via in tempore. History and political science*, 51(3): 651–660 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-651-660

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Период 1730-х годов в отечественной историографии занимает особое место, обусловленное как крайне негативной оценкой правления Анны Иоанновны, так и развития военной системы в целом. И если в отношении правительства 1730-х годов (или же эпохи «бироновщины») оценки ученых постепенно смягчаются, то в отношении развития армии этот процесс идет значительно медленнее. Для дореволюционной историографии был характерен акцент на роли «немцев», «иностранных терзателей», которые практиковали в армии постоянное истязание русского солдата [Русская военная сила, 1890, с. 183], что неизбежно влияло и на качество судебных процессов. В советской историографии не было ярко выраженного национального акцента, но доминировала концепция классовой борьбы. Вследствие этого противопоставление «немец – русский», «немец-офицер – русский солдат» сменилось идеей классового угнетения солдат (крестьян) со стороны офицеров (дворян) [Памятники, 1961, с. 311–313]. Стоит отметить, что обе эти крайние позиции были далеки от объективности и имели позитивистский окрас. Для современной историографии характерно повышение объективности исследований XVIII века, которое базируется на привлечении неопубликованных архивных материалов. Вместе с тем период 1730-х годов в значительной степени остается за рамками исследований. Большинство работ, которые затрагивают первую половину XVIII века, касаются либо судопроизводства всего XVIII века [Мартынов, 2012], либо же имеют локальный характер исследования, освещая работу судов в Сибири [Дмитриев, 2018] или же в отдельных гарнизонах [Проскуракова, 2014]. Что же касается военного правосудия в отношении нижних чинов, то можно заключить, что до сих пор оно не являлось объектом исследования применительно к данному периоду.

Исходя из этого, актуальность темы исследования обусловлена тем, что особенности военного правосудия 1730-х годов не подвергались последовательному изучению и анализу в отечественной историографии. Вместе с тем исследование опыта развития вооруженных сил XVIII века представляет ценность и для Вооруженных сил Российской Федерации во времена серьезных испытаний, выпадающих на долю нашей страны. Вследствие этого в настоящей статье предпринята попытка целостного исследования военного правосудия в отношении нижних чинов второй четверти XVIII века и выявления основных тенденций в деятельности военных судов рассматриваемого периода.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является развитие военного правосудия России в эпоху «дворцовых переворотов». Конкретным предметом изучения выступают преступления военнослужащих русской регулярной армии в 1731–1736 годах, а также соотношение нормативной базы военного правосудия и реальной практики судопроизводства.

В методологическом плане основой исследования выступили историзм и объективность. Применение данных методов при анализе архивных материалов и исследований по проблемам военного судопроизводства позволило дать оценку политики военного руководства и военных судов в отношении нарушения устава со стороны нижних чинов русской регулярной армии рассматриваемого периода. Применяемый в ходе исследования хронологический метод позволил упорядочить и проанализировать поступившие в 1731 и 1736 годах экстракты дел военнослужащих, а также выявить основные особенности судопроизводства без привязки к конкретному региону или полку. Междисциплинарный подход способствовал выявлению статистических данных на основе социологических и математических методов, что позволило установить не только наиболее характерные виды нарушений военнослужащих, но и применяемые военным руководством наказания.

В качестве основы исследования выступили материалы Российского государственного военно-исторического архива, содержащиеся в фонде 2 «Канцелярия Военной коллегии», а именно опись 10 «Определения и журналы Военной коллегии». Данный источник представляет собой ежедневные решения членов коллегии по многочисленным вопросам, касающимся функционирования армии: донесения о рекрутских наборах, решения об отставках, жалобы, вопросы жалование и многое другое. Таким образом, данные материалы представляют собой решения, упорядоченные исключительно по хронологическому признаку. Ценность источника заключается в том, что при соответствующей систематизации определений коллегии можно получить ценнейшие данные о реалиях существования армии, которые в малой степени отражались в нормативно-правовых актах.

Для конкретизации преступлений нижних чинов русской регулярной армии нами были использованы «экстракты» дел военнослужащих, поступающих в коллегию в течение 1731 и 1736 годов, что дало возможность выделить наиболее характерные преступления, совершаемые военнослужащими армии в изучаемый период. В большинстве экстрактов содержится следующая информация: имя, звание, род войск (включая полк), описание преступления, решение военного суда и командующего, основания для смягчения или ужесточения наказания и решение коллегии. В ряде случаев указывался и срок службы.

Извлеченная информация, дополненная особенностями нормативно-правовой базы, позволила объективно оценить не только наиболее частые преступления военнослужащих, но и отношение к ним государственных органов, которое могло отличаться от требований «Устава воинского».

Результаты и их обсуждение

Исследование преступности стоит начать с краткого освещения теоретических основ работы правовой системы рассматриваемого периода. Согласно изданным в 1716 году Артикулам, подавляющее большинство правонарушений нижних чинов рассматривалось полковым судом, который состоял из полковника и шести офицеров [Артикул воинский, 1830, с. 384–385]. Для обеспечения независимости и беспристрастности суда назначенные для рассмотрения дела офицеры не должны были иметь каких-либо связей как с челобитчиком, так и с ответчиком [Артикул воинский, 1830, с. 387]. Важно отметить, что, помимо аргументов, свидетелей и иных доказательств вины или невинности, в военных судах практиковались пытки. Разумеется, для пыток необходимы были серьезные основания, но они зависели от позиции судей. Главным же основанием была ситуация, когда тот, на кого «есть подозрение... добровольно повиниться не хочет» [Артикул воинский, 1830, с. 403]. От пыток по общему правилу были освобождены недоросли, беременные женщины, люди старше 70 лет и все дворяне (за исключением дел о случаях убийств и «государственных дел») [Артикул воинский, 1830, с. 406–407]. После рассмотрения дела выносился приговор на основании голосования шести судей. Если голоса разделялись пополам, то полковник отдавал

свой голос за какую-либо из сторон. После этого решение суда подавалось генералу, который его утверждал, и наказание вступало в силу [Артикул воинский, 1830, с. 407–408].

Изначально военнослужащие осуждались не только военным судом, но и гражданским: с 1726 года военные суды выносили приговоры в отношении тех солдат и унтер-офицеров, которые совершили преступления против военной службы (то есть нарушителей норм Артикула), однако с 1733 года любыми преступлениями солдат и офицеров занимались исключительно военные суды [Григорьев, 2018, с. 30–31]. Важно отметить, что именно с 1721 года все приговоры военных судов, в том числе и в отношении нижних чинов, направлялись в Военную коллегия в виде экстрактов для «совершенной конфирмации» [Григорьев, 2017, с. 17]. В конечном итоге к 1730-м годам сложился порядок, при котором приговоры проходили три стадии утверждения: военный суд, генерал, Военная коллегия. Важно отметить, что в 1724 году была принята резолюция, согласно которой смертные приговоры рядовым утверждались командующим корпусом [Григорьев, 2017, с. 17–18], однако из определений 1730-х годов следует, что подобные дела продолжали присылаться в Военную коллегия для конфирмации.

Для исследования преступлений нижних чинов русской регулярной армии нами было проанализировано 128 дел военнослужащих, полученных из «экстрактов», присылаемых в коллегия для утверждения. Среди них 37 % (47 человек) солдат и унтер-офицеров гарнизонных (губернских и остзейских), 38 % (48 человек) полевых, 2 % (3 человека) гвардейских полков, а также 12 % (15 человек) артиллеристов. Отдельно стоит отметить, что у 12 % (15 человек) военнослужащих выборки нам не удалось установить точную принадлежность к гарнизону или полевым полкам. Это связано с тем, что названия полевых и гарнизонных полков часто совпадают, и без уточнения в тексте источника вид полка установить не представляется возможным.

Стоит отметить, что подавляющее большинство нижних чинов данной выборки служили в пехотных полках – 81 % всех дел. Это объясняется значительным числом солдат и унтер-офицеров из остзейских гарнизонных полков, в которых отсутствовали кавалерийские части. Также в анализируемой выборке 77 % (99 человек) рядовых, 6 % (8 человек) нестроевых и 16 % (21 человек) строевых и нестроевых унтер-офицеров.

В ходе исследования было установлено, что 50 % (64 человека) военнослужащих данной выборки были осуждены за дезертирство⁴⁶, что делает этот вид преступлений доминирующим относительно всех остальных. Обращает на себя внимание тот факт, что половина осужденных дезертиров покидала место службы не первый раз⁴⁷, а количество случаев бегства у осужденных колеблется от одного⁴⁸ до четырех⁴⁹ за время службы. Нередко причиной, побудившей военнослужащего на столь рискованный шаг, являлось алкогольное опьянение (14 % случаев). Так, например, Василий Давыдов дезертировал из-за того, что, напившись в отпуске, потерял кафтан и испугался наказания⁵⁰. В свою очередь, Прокофий Ишин бежал из-за того, что, уйдя с караула за хлебом, зашел в шинок, из которого вышел через два дня без казенной обуви⁵¹. Встречаются и более частные ситуации, как случай Матвея Войнова, который вступил в романтические отношения с женой гренадера и бежал вместе с ней⁵².

В целом большинство дел показывает, что причины для бегства у военнослужащих сугубо индивидуальные и с трудом поддаются статистическому измерению. Пожизненный

⁴⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2. Оп. 10. Д. 99. Л. 236–237, 449; Д. 100. Л. 309–310, 334, 337, 379–380, 432; Д. 106. Л. 431–432, 474–476; Д. 108. Л. 112, 175–177, 210, 212; Д. 167. Л. 71, 73–77, 80–81, 101–102, 223–230, 167. 245–251, 254–256, 167. 258–262, 264, 267–268.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 99. Л. 236–237, 449; Д. 100. Л. 310, 379–380; Д. 106. Л. 432, 474–476; Д. 108. Л. 112, 176., 108. 176–177, 212, 270; Д. 167. Л. 71, 75, 80–81, 101–102, 247–250, 254, 256, 262, 264, 267.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108. Л. 175–176.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 106. Л. 474.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 76–77.

⁵¹ Там же. Л. 260–261.

⁵² РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 106. Л. 431.

характер службы, ее принудительность и тяжесть, а также крайне молодой возраст призывников (в исследуемый период нижняя граница призывного возраста составляла 15 лет) [ПСЗ-I, Т. VIII, 1830, с. 296] приводили к тому, что бегства из полков являлись довольно устойчивым явлением в среде нижних чинов русской армии. Несмотря на все многообразие обстоятельств для бегства, статьи Артикула воинского не оставляли простора для избрания наказания: согласно 95 и 96 артикулу наказанием за дезертирство являлось повешение, за исключением случаев раскаяния и добровольного возвращения на службу [Артикул воинский, 1830, с. 346–347]. Однако действительность военного судопроизводства была чрезвычайно далека от подобных крайностей. При рассмотрении дел дезертиров военный суд и утверждающая приговоры Военная коллегия учитывали следующие обстоятельства, которые могли быть как смягчающими, так и отягчающими:

- 1) наличие судимостей в целом;
- 2) наличие случаев бегства ранее, а также обстоятельства явки (добровольная или вследствие поимки);
- 3) продолжительность службы и вытекающее отсюда знание статей Артикула;
- 4) продолжительность побега;
- 5) обстоятельства бегства: оставление караула, ущерб государственным интересам, военное время, бегство из «опасного места».

Данные обстоятельства являются основными в проанализированной выборке, однако встречается и большое число частных: совершалось ли бегство за границу, было ли состояние алкогольного опьянения или страх перед наказанием основной причиной побега, служил ли дезертир в неприятельском войске, хотел ли сдаться сам в момент поимки.

Таким образом, военное руководство учитывало значительное количество обстоятельств для смягчения приговора, что совершенно не соответствовало простым и емким требованиям военного законодательства. Кроме того, чаще всего военное руководство использовало вышеперечисленные нюансы именно для смягчения наказания, что делает очевидным нежелание военных судов, генералитета и особенно членов коллегии подвергать провинившихся солдат и унтер-офицеров смертной казни. Так, из 64 осужденных за дезертирство только один рядовой подвергся смертной казни, однако его случай отличен тем, что он убежал, украв подушные деньги, которые был определен собирать⁵³.

Своеобразный гуманизм судов в отношении дезертиров становится очевидным при рассмотрении конкретных наказаний. Анализ 29 дел 1731 года показывает, что самым жестоким наказанием (не считая единичных случаев смертной казни) являлась политическая смерть, которой было подвергнуто всего 14 % от этого числа. Суть наказания сводилась к битью кнутом, вырыванию ноздрей и вечной ссылке в Охотск. Назначалась политическая смерть при наличии серьезных оснований, таких как многократные побеги, побег, сопряженный с воровством, бегство за границу вместе со снаряжением и т. д.⁵⁴ Кроме того, в 21 % случаев выносилось решение о битье кнутом и ссылке в Охотск без вырывания ноздрей⁵⁵, а в 24 % случаев дезертиры подвергались битью кнутом и ссылке на серебряные заводы⁵⁶. Несмотря на суровость наказания, стоит иметь в виду, что каждого из осужденных в данном списке, согласно Артикулу, должны были казнить. Не менее важно и то, что перечисленные случаи касаются нижних чинов, которые многократно нарушали военное законодательство.

Более мягким наказанием для дезертиров являлись шпицрутены, которые были назначены 38 % (11 человек) осужденных⁵⁷. Количество «прогонов» сквозь строй отличалось в зависимости от наличия отягчающих обстоятельств. Так, Осип Медведев получил один прогон

⁵³ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108. Л. 269.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 106. Л. 474; Д. 108. Л. 176–177, 212.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 106. Л. 432, 474; Д. 108. Л. 112, 175–176.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 99. Л. 236–237; Д. 100. Л. 310, 432; Д. 106. Л. 475–476.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 100. Л. 309, 334, 337, 379–380; Д. 106. Л. 431; Д. 108. Л. 175–177, 210.

за первый непродолжительный побег⁵⁸. В свою очередь, Алексей Накленкин получил 4 шпицрутена и ссылку в полки Низового корпуса за второй побег. Однако Алексей не просто дезертировал повторно, но еще и оставил караул, тем самым попадая под две статьи Артикула: 95 о дезертирстве и 41 о самовольном оставлении караула. Поэтому можно заключить, что, хоть битье шпицрутенами являлось крайне жестоким наказанием, военное руководство проявило определенную мягкость, сохранив не только жизнь дезертира, но и оставив его на службе, пусть и не в самых лучших полках Российской империи.

Причиной, по которой нами были отделены дела 1731 года, является то, что к 1736 году наблюдается существенное ужесточение наказаний за дезертирство. В частности, из 34 случаев дезертирства только один раз применялась политическая смерть⁵⁹, тогда как битье кнутом и ссылка на заводы в Сибирь коснулась 30 % (10 человек) дезертиров данной выборки⁶⁰. Однако появление столь популярного наказания вызвано указом от 21 января 1735 года, который фактически отменил смертную казнь по 95 статье Артикула [ПСЗ-І, Т. IX, 1830, с. 466]. С другой стороны, несмотря на наличие конкретного указа, который предписывал всех без исключения дезертиров отправлять в ссылку на заводы, военные суды и коллегия выносили приговоры, которые явно противоречили этому положению.

В 1736 году изменилось и наказание шпицрутенами в сторону увеличения количества прогонов. Всего наказанию шпицрутенами в выборке 1736 года были подвергнуты 68 % (23 человека) дезертиров⁶¹. При этом количество прогонов, назначаемых осужденным, колеблется от 5 до 12. Выжить при таком количестве прогонов, очевидно, было практически невозможно. Вероятно, именно на это ссылались советские авторы, которые называли прогоны сквозь строй «замаскированной безусловной и мучительной смертной казнью» [Памятники, 1961, с. 313]. Однако, как верно было замечено в работе Т.А. Володиной, современники не рассматривали шпицрутены как эквивалент смертной казни. Также автор ставит важный вопрос о том, почему одни осужденные могли выдержать 3–4 прогона и умереть, а другие выдерживали 12 прогонов. Помимо аргумента о влиянии «степени усердия» на вероятность летального исхода [Володина, 2023, с. 50–51], мы можем отметить и то обстоятельство, что уже в 1730-х годах военное руководство изобрело порядок, по которому прогоны осуществлялись «через неделю в два раза»⁶². Не вызывает сомнений тот факт, что такой подход как многократно увеличивал мучения осужденных, так и позволял им выжить и продолжить службу. Кроме того, в 35 % случаев (8 дел) наказание шпицрутенами сопровождалось последующей каторгой на срок от 1 до 10 лет⁶³, после чего осужденного возвращали на прежнее место службы⁶⁴ или переводили в гарнизонный полк⁶⁵. Можно отметить и более мягкий вариант, при котором вместо каторги назначалась «тяжелая работа»⁶⁶.

Подводя итог рассмотрению дезертирства и государственной политики в отношении наказаний, можно отметить, что военные суды и Военная коллегия проявляли большую гибкость в отношении рассмотрения дел о дезертирстве. Несмотря на наличие указов, предписывающих карать дезертиров смертной казнью, военное руководство изобретало различные «смягчающие обстоятельства» и вводило новые наказания, которые противоречили не только Артикулу воинскому, но и именным указам императрицы. Стоит отметить, что отнесенная свобода действий судей в отношении назначения наказаний была заложена в

⁵⁸ Там же. Л. 379–380.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 73.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 71, 75, 80–81, 223, 226–229, 248–249, 267.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 74, 76–77, 101–102, 224–225, 230, 245–251, 254–256, 258–259, 262, 264, 268.

⁶² РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 262.

⁶³ Там же. Л. 250–251.

⁶⁴ Там же. Л. 256.

⁶⁵ Там же. Л. 254.

⁶⁶ Там же. Л. 262.

военно-судебной системе еще в первой четверти XVIII века [Хрущ, 2020, с. 46]. Стремление Военной коллегии к смягчению наказаний отмечалась и ранее в работах, посвященных изучению сибирских полков [Дмитриев, 2018, с. 80], а также гарнизонов Кексгольма и Выборга [Проскурякова, 2014, с. 90–91]. Есть основания полагать, что данная практика сохранялась и во второй половине XVIII века [Володина, 2023, с. 14].

На наш взгляд, в данных действиях был не только гуманизм, но и прагматизм: в условиях постоянных недоборов и дефицита кадров в полках военное руководство демонстрирует явное нежелание разбрасываться жизнями нижних чинов и даже при осуждении злостных дезертиров стремилось назначать такие наказания, после отбывания которых военнотружущий мог вернуться в полк. Впрочем, даже в решениях Военной коллегии или в экстрактах военных судов дезертирство обозначается словом «бегство», что как бы смягчает тяжесть данного нарушения. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что анализ 49 дел (в которых указывался срок службы на момент побега) показал, что нижние чины в среднем дезертировали на 7 год службы⁶⁷. Это позволяет заключить, что бежали из полков довольно молодые солдаты, что также может служить объяснением необычайной мягкости военных судов в их отношении.

Вторым по распространенности преступлением нижних чинов являлось воровство, за которое были осуждены 17 % (22 человека) нижних чинов из всей выборки в 128 дел⁶⁸. Наказание за кражу регулировалось несколькими статьями Артикула. Согласно статье 189, при краже имущества стоимостью до 20 рублей предусматривалось 6 шпицрутенов за первый случай, 12 – за второй и отрезание носа и ушей с последующей ссылкой на каторгу за третью кражу [ПСЗ-1, Т. V, 1830, с. 376–377]. Смертной казни по 191 статье подлежали пойманные на воровстве в четвертый раз, а также те, кто украл на сумму более 20 рублей. Кроме того, смертью каралось и воровство любого казенного имущества, а также кража на карауле вне зависимости от размера (согласно статье 192) [ПСЗ-1, Т. V, с. 780].

Несмотря на суровость вышеописанных наказаний, как и в случае с дезертирством, военные суды значительно отклонялись от требований законодательства. Среди наказаний, применяемых на практике, можно выделить повешение⁶⁹, политическую смерть⁷⁰, наказание шпицрутенами и ссылку в Сибирь на заводы⁷¹ или битье кнутом и ссылку в Охотск⁷². Вместе с тем можно установить и значительное разнообразие наказаний шпицрутенами. Так, встречаются прогоны от 3 до 7 раз с последующей ссылкой в полки Низового корпуса⁷³, 10 прогонов со ссылкой на заводы сроком от 1 до 3 лет с последующим определением в гарнизон⁷⁴, а также 12 прогонов с 3 годами тяжелой работы с последующим возвращением на прежнее место службы⁷⁵. Подобные «комплексные» наказания являлись существенным отступлением от статей Артикула и, как и в случае с дезертирством, демонстрировали желание военного руководства избежать смертной казни в качестве основного, положенного по уставу, наказания. Во всей выборке наказание по уставу коснулось только двух рядовых, которые неоднократно крали деньги, будучи на карауле, что подводило их сразу под две статьи Артикула⁷⁶.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 100. Л. 309–310, 337; Д. 106. Л. 431–432; Д. 108. Л. 112, 175–177, 210, 212, 269–270, 388; Д. 167. Л. 71, 73–77, 80–81, 101–102, 223–230, 245–246, 248–251, 254–256, 258–262, 264, 267–268.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 100. Л. 309, 337, 432; Д. 106. Л. 127, 433; Д. 108. Л. 212, 215–216, 393–394, 420–422; Д. 167. Л. 78, 99–100, 112–113, 246–247, 253, 262, 270.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108. Л. 393–394.

⁷⁰ Там же. Л. 212–213, 216, 420.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 100. Л. 432; Д. 106. Л. 127.

⁷² РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108. Л. 421–422.

⁷³ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 100. Л. 337; Д. 108. Л. 215–216.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 99–100, 246–247.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167. Л. 253, 262.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108. Л. 393–394.

Отдельным нарушением, схожим с воровством, являлись «прочеты», которые представляли собой либо умышленное, либо неумышленное сокрытие казенных денежных средств при их приеме. Всего в выборке за подобные нарушения было осуждено 8 % (10 человек) нижних чинов⁷⁷. К умышленным прочетам относится, например, дело Саввы Толкочева, который как пропивал поступающие в полк деньги, так и брал взятки за то, чтобы вносить неверные данные о поступлениях⁷⁸. В свою очередь, рядовой Князь Василий Ухтоминский даже после трех пыток утверждал, что совершил прочет «бесхитростно»⁷⁹.

Таким образом, нарушения имущественного характера составляют 25 % случаев в рассматриваемой выборке и находятся на втором месте по распространенности после дезертирства. Это вполне объясняется как низким жалованием военнослужащих, так и частотой их определений к различным делам, таким как строительство, контроль за финансами полка или сбор подушной подати.

Третьей категорией преступления являются преступления насильственного характера. Однако из 128 рассмотренных дел к ним относятся лишь 6 % (8 человек) случаев. Разумеется, встречается и множество более частных случаев, от ухода с караула⁸⁰ до попытки самоубийства⁸¹, но процент этих преступлений совершенно незначителен в общей массе поступающих в Военную коллегию дел.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в рассматриваемый период наиболее частыми преступлениями военнослужащих являлось дезертирство и воровство в тех или иных формах. Причиной этого могли выступать как тяготы службы, так и ее принудительный и пожизненный характер. Несомненным фактом является то, что суровые наказания Артикула воинского соблюдались отнюдь не так неукоснительно, как этого стоило ожидать от военной системы XVIII века. Основной тенденцией, характерной для данного периода, является смягчение приговоров относительно требований устава. Также очевидна крайняя непопулярность смертной казни даже в отношении солдат и унтер-офицеров, большинство из которых являлись выходцами из податных сословий. Таким образом, в армии постепенный отказ от смертной казни наблюдается задолго до указа Елизаветы Петровны. Несмотря на то, что военные суды контролировались офицерами, большинство из которых являлись дворянами по происхождению, очевидным является стремление военного руководства сохранить жизни нижних чинов или же назначить наказание с минимальным ущербом для возможности дальнейшего несения службы. Это позволяет поставить под сомнение довольно распространенный тезис об антигуманном дворянско-крепостническом угнетении в армии России, но, разумеется, не свидетельствует о равноправных отношениях между офицерами и солдатами или отсутствии привилегий.

Список источников

- РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 99. 1731 год. Январь.
РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 100. 1731 год. Февраль.
РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 101. 1731 год. Март.
РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 106. 1731 год. Август.
РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 108. 1731 год. Октябрь.
РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 167. 1736 год. Апрель.
РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 169. 1736 год. Июнь.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 99. Л. 183, 236, 259; Д. 106. Л. 75; Д. 108. Л. 214.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 99. Л. 236.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108. л. 214.

⁸⁰ Д. 167. Л. 79, 252.

⁸¹ РГВИА. Ф.2. Оп. 10. Д. 167. Л. 100–101.

- РГВИА. Ф.2. Канцелярия Военной коллегии. Оп. 10. Д. 174. 1736 год. Ноябрь.
- Артикул воинский. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. V. 1713–1719 гг. Под ред. М.М. Сперанского. СПб., Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830: 318–411.
- Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Москва, Госюриздат, 1961, 668 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПСЗ-I). Т. V. 1713–1719 гг. Под ред. М.М. Сперанского. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830, 780 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. VIII. 1728–1732 гг. Под ред. М.М. Сперанского. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830, 1004 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. IX. 1733–1736 гг. Под ред. М.М. Сперанского. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830, 1016 с.

Список литературы

- Володина Т.А. 2023. Спасительная сила «мнений»: о практике военных судов в русской армии XVIII – начала XIX веков. *Новый исторический вестник*, 3: 6–25.
- Володина Т.А. 2023. Почему фунт шпицрутенов? Наказания в русской армии XVIII – начала XIX в. *Тульский научный вестник*, 4: 47–63.
- Григорьев О.В. 2018. Военное правосудие в России 1725–1812 гг. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2/1: 29–34.
- Григорьев О.В. 2017. Становление обособленной системы военных судов в ходе реформ Петра I и особенности ее функционирования в XVIII в. В кн. Правовое регулирование современного общества: теория, методология, практика. Материалы II Международной научно-практической конференции (Воронеж, 27 декабря 2017 года). Воронеж, ООО «АМиСта»: 3–21.
- Дмитриев А.В. 2018. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: Официальный механизм и реальная практика. *Исторический курьер*, 1: 74–83.
- Мартынов В.Ф. 2012. Роль военных судов в укреплении дисциплины в Российской армии в XVIII – начале XX века. *Поволжский педагогический поиск*, 2: 36–41.
- Проскуракова М.Е. 2014. «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII века. *Вестник Новосибирского государственного университета*, 8: 82–92.
- Русская военная сила. Вып. VII. От Петра Великого до Павла I. Москва, Типо-литография И.Н. Кушнерева и Ко, 1890, 250.
- Хрущ С.В. 2020. Нравственные основания военного законодательства Петра I. В кн. Проблемы истории общества, государства и права. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 30 октября 2019 года – 26 мая 2020 года). Екатеринбург, Уральский государственный юридический университет: 35–50.

References

- Volodina T.A. 2023. Spasitel'naya sila «mneniy»: o praktike voennykh sudov v russkoy armii XVIII – nachala XIX vekov [The Saving Power of «Opinions»: On the Practice of Military Courts in the Russian Army of the 18th and Early 19th Centuries]. *Novyy istoricheskiy vestnik [New Historical Bulletin]*. 3: 6–25.
- Volodina T.A. 2023. Pochem funt shpitsrutenov? Nakazaniya v russkoy armii XVIII – nachala XIX v [How Much Does a Pound of Spitzrutens Cost? Punishments in the Russian Army of the 18th and Early 19th Centuries]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik [Tula Scientific Bulletin]*. 4: 47–63.
- Grigor'ev O.V. 2018. Voennoe pravosudie v Rossii 1725–1812 gg [Military Justice in Russia 1725–1812]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought]*. 2/1: 29–34.
- Grigor'ev O.V. 2017. Stanovlenie obosoblennoy sistemy voennykh sudov v khode reform Petra I i osobennosti ee funktsionirovaniya v XVIII v. [The Formation of a Separate System of Military Courts During the Reforms of Peter I and the Features of its Functioning in the 18th Century.]. V kn.

- Pravovoe regulirovanie sovremennogo obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Voronezh, 27 dekabrya 2017 goda). Voronezh, ООО «АМиСта»: 3–21.
- Dmitriev A.V. 2018. Voennoe sudoproizvodstvo v armeyskikh chastyakh na territorii Sibiri v XVIII V.: Ofitsial'nyy mekhanizm i real'naya praktika [Military Proceedings in Army Units in Siberia in the 18th Century: Official Mechanism and Real Practice]. *Istoricheskiy kur'er [Historical Courier]*. 1: 74–83.
- Martynov V.F. 2012. Rol' voennykh sudov v ukreplenii distsipliny v Rossiyskoy armii v XVIII – nachale XX veka [The Role of Military Courts in Strengthening Discipline in the Russian Army in the 18th and Early 20th Centuries]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk [Volga region pedagogical search]*. 2: 36–41.
- Proskuryakova M.E. 2014. «Bezhav is polku...»: fenomen dezertirstva v kontekste istorii sudebnoy praktiki pervoy poloviny XVIII veka [«Having Fled from the Regiment...»: The Phenomenon of Desertion in the Context of the History of Judicial Practice of the First Half of the 18th Century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]*. 8: 82–92.
- Russkaya voennaya sila [Russian Military Force]. Вып. VII. Ot Petra Velikogo do Pavla I [From Peter the Great to Paul I]. Moscow, Tipo-Litografiya I.N. Kushnereva i Ko, 1890, 250.
- Khrushch S.V. 2020. Nravstvennye osnovaniya voennogo zakonodatel'stva Petra I [Moral Foundations of the Military Legislation of Peter I]. V kn. Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Materialy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 30 oktyabrya 2019 goda – 26 maya 2020 goda). Ekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet: 35–50.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.07.2024

Received 02.07.2024

Поступила после рецензирования 28.07.2024

Revised 28.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Accepted 30.07.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Подберезный Евгений Александрович, учитель, Подгоренская средняя общеобразовательная школа им. П.П. Серякова, Воронежская область, Калачеевский район, с. Подгорное, Россия

 [ORCID: 0009-0009-2110-2245](https://orcid.org/0009-0009-2110-2245)

Evgeny A. Podberezny, Teacher, P.P. Seryakov Podgorenskaya Secondary School, Voronezh Region, Kalacheevsky District, Podgornoye Village, Russia

Фурсов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0009-0001-2447-6359](https://orcid.org/0009-0001-2447-6359)

Vladimir N. Fursov, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of History of Russia, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia